

УДК 82-145

ДИАЛОГ С РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В ПОЭЗИИ О.Г. ПАРАМОНОВА

Р.В. Любарский (Брянск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В связи с недостаточной изученностью межтекстовых связей творчества О.Г. Парамонова, а также сюжетно-тематических связей классических произведений русской литературы и стихов брянского поэта проблематика является сегодня актуальной.

Цель работы – описание функциональных особенностей эпиграфов, интертекстуальных форм: аллюзий и цитат в сборнике О.Г. Парамонова «Затяжной прыжок», а также установление сюжетно-тематического взаимодействия стихов поэта с произведениями классиков русской литературы.

Обзор научной литературы. Проблемой межтекстовых связей занимались такие исследователи, как А.А. Богодерова, А.А. Еникеев, Е.Ю. Потапчук, Г.О. Андреева. Однако творчество О.Г. Парамонова объектом исследования литературоведов не становилось.

Методология (материалы и методы). В качестве основных методов использованы сравнительно-исторический и структурный методы. Исследование проведено на материале сборника стихов О.Г. Парамонова «Затяжной прыжок».

Результаты исследования. В ходе исследования обнаружено, что аллюзии и цитаты выполняют разные функции: данные интертекстуальные формы, с одной стороны, противопоставляют поэтический мир Парамонова миру классических поэтов и прозаиков, а с другой – способствуют воплощению в поэзии Парамонова идей, тождественных классическим литературным произведениям. Сделан вывод, что благодаря аллюзиям и цитатам Парамонов воспроизводит образ современного мира, который как перекликается с реальностью, изображенной поэтами и прозаиками XIX в., так и противоположен ей.

Ключевые слова: *Парамонов Олег Геннадьевич, «Затяжной прыжок», аллюзия, цитаты, интертекстуальные формы, сюжетно-тематическая связь, современная поэзия, эпиграфы, русская литература XIX в.*

Постановка проблемы. Проблема диалога в рамках литературоведения предполагает выявление взаимосвязи двух и более художественных явлений (литературных направлений, литературных миров разнообразных стран и т.д.), а также исследование соотношения литературы с другими дисциплинами. Изучение взаимосвязи объектов литературоведения реализуется с помощью выявления межтекстовых связей, в частности особенностей функционирования эпиграфов, а также интертекстуальных форм: аллюзий и цитат в определенных текстах. Не менее важным аспектом являются сюжетно-тематические связи между художественным источником и реципиентом. Автор может вступать в спор, полемику с литературным произведением, тем самым переосмысляя и даже опровергая заложенные в нем идеи. Следовательно, целью нашей статьи является исследование функциональных особенностей аллюзий, цитат, эпиграфов, а также сюжетно-тематического взаимодействия с произведениями классической литературы в стихах О.Г. Парамонова (сборник «Затяжной прыжок», раздел «У книжной полки»).

Обзор научной литературы. А.А. Богодерова рассматривает межтекстовые связи (диалог) произведений шанхайских поэтов-эмигрантов 1930–1940-х гг. с русской литературой XIX и начала XX в. [Богодерова, 2021]. А.А. Еникеев исследует проблему взаимодействия (диалога) философии и литературы. Автор приходит к выводу, что постмодернистское произведение А. Пятигорского содержит в себе особую позицию наблюдателя, которая переосмысливается писателем в качестве компонента «обсервационной философии» [Еникеев, 2020].

Е.Ю. Потапчук исследует научно-философские проблемы современной зарубежной фантастики. Автор сравнивает взгляды китайского писателя-фантаста Лю Цысиня с идеями польского футуролога Станислава Лема и французского антиутописта Мишеля Уэльбека, при этом выявляя точки соприкосновения фантастических концепций данных прозаиков [Потапчук, 2019]. В рамках педагогической науки Г.О. Андреева осмысливает диалог как изучение значимости и возможности применения краеведческих текстов на уроках литературы в 5–9-х классах [Андреева, 2015]. Творчество Парамонова Олега Геннадьевича предметом изучения литературоведов не становилась. В данной статье мы впервые рассматриваем поэзию Парамонова в контексте диалога с художественной литературой. Однако Парамонов упоминается в качестве респондента в статье О.В. Вороницовой и М.Л. Шеметун, посвященной изучению регионального компонента как части научной и воспитательной работы со студентами [Вороницева, Шеметун, 2014].

Методология (материалы и методы). В статье мы используем структурный метод, который позволяет исследовать роль аллюзий, цитат и т.д. в обозначении концептуального смысла поэзии Парамонова, основанного на определенном тексте-источнике. Также мы применяем сравнительно-исторический метод, благодаря которому становится возможным изучение общности сюжетно-тематических отношений между творчеством Парамонова и произведением классической литературы, исследование их отличительных особенностей, выраженных в переосмыслении автором идейного содержания текста-первоисточника. Исследование проведено на материале сборника стихов О.Г. Парамонова «Затяжной прыжок».

Результаты исследования. О.Г. Парамонов – брянский поэт, заслуженный учитель России (1992), абсолютный победитель конкурса «Учитель года России» (1993). Он является автором таких поэтических сборников, как «Переходный возраст» (Москва, 1996), «Избранное» (Берлин, 1997), «Часы над вокзалом» (Самара, 2001), «Стихи и тосты для веселого застолья» (Ярославль, 2005), «Четыре “П”» (Тюмень, 2009), «Явка с повинной» (Брянск, 2014), «Затяжной прыжок» (Ярославль, 2020).

Наиболее ярко художественное взаимодействие с классической литературой проявляется в сборнике Парамонова «Затяжной прыжок». Один из разделов книги автор называет «У книжной полки», тем самым намекая на связь последующих в нем стихотворений с произведениями классиков. Однако в сборнике «Явка с повинной» поэт называет подобный раздел «Панибратство с классикой»,

подчеркивая более тесную взаимосвязь с историей русского литературного процесса. Автор связывает свое творчество с классическим эпическим и лирическим творчеством благодаря внутритекстовым аллюзиям, цитатам и эпитафиям. При этом Парамонов откликается на авторскую мысль, вступая с классиками в полемику. Поэт рассматривает заложенные известными поэтами и прозаиками идеи в контексте своего жизненного опыта.

Эпитафия к стихотворению «Когда приходит грустная пора...» отсылает читателя к произведению А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум». Пушкин рассказывает о том, как «два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы?” – спросил я их. “Из Тегерана”. – “Что вы везете?” – “Грибоеда”» [Пушкин, 1959–1962, с. 434]. Однако Парамонов в качестве эпитафии берет лишь первое предложение из приведенной цитаты, таким образом создавая аллюзию на описанную Пушкиным собственную встречу с телом убитого А.С. Грибоедова. Парамонов не просто намекает на своеобразную последнюю встречу двух великих поэтов. Стихотворение содержит аллюзию на размышления Пушкина, связанные с тем, что он увидел транспортное средство, которым управлял грузин, везущий тело Грибоедова. По мнению Пушкина, смерть Грибоедова в Тегеране в ходе неравной битвы не была ужасной, а наоборот, мгновенной и прекрасной. Парамонов переносит акцент с локального события – смерти одного человека, поэта Грибоедова, на более глобальное, но сопряженное с данным событием, философское размышление о смерти. Жизнь Парамонов ассоциирует с постоянным двором, в то время как смерть принимает художественный облик «постоянного двора». Автор не скрывает в связи с этим печали и сожаления лирического героя:

Когда приходит грустная пора
И мы, увы, обязаны признать,
Что время с постоянного двора
На постоянный двор переезжать [Парамонов, 2020, с. 144].

«Постоянный двор» в контексте стихотворения – аллюзия на приведенный выше фрагмент из пушкинского травелогического произведения. Постояльный двор представляет собой недорогое место (гостиницу, подворье и т.д.) для отдыха с двором для размещения животных, используемых людьми для перевозок. Именно содержание лошадей, волов и др., а также дешевизна подобной гостиницы служит намеком на двух волов и на обыкновенного небогатого мужика, сопровождавшего Грибоедова в последний путь. Жизнь, по мнению Парамонова, представляется путешествием данного субъекта с остановками на постоянных дворах (временных пристанищах) с последующей смертью, метафорически осмысляемой в виде постоянного двора – кладбища или ирреальных христианских миров – рая и ада. Продолжая собственные размышления о смерти, автор иронизирует по поводу возможной судьбы умершего человека, аналогичной грибоедовской. Это достигается с помощью аллюзивной цитаты из произведения

Пушкина, вплетенной в заключительный катрен. Лирическому герою Парамонова приятно думается о тех самых волах, а главное, о мужике с незавидной, по его мнению, работой:

Отрадно думать, что останки наши
Сопроводят, кляня свою судьбу,
Случайный путник, шляпу приподнявши,
И два вола, впряженные в арбу [Там же, с.144].

Рассуждение поэта о смертности каждого человека является определенного рода реакцией на локально сконцентрированную пушкинскую мысль о кончине Грибоедова. Таким образом, в стихотворении Парамонова прослеживаются размышления о конечности жизни в тесной аллюзивной связи с грибоедовским эпизодом произведения Пушкина «Путешествие в Арзрум».

В стихотворении «Читайте Тютчева, поэты!» эпиграф, как и начальная строчка, служит отсылкой на одноименное стихотворение поэта В.М. Сидорова. Сидоров строками, которые использовал Парамонов в качестве эпиграфа, заканчивает свои многочисленные описания собственных ощущений от прочтения лирики Тютчева, а также призывает ознакомиться с творчеством классика:

Читайте Тютчева, поэты,
В нем есть предчувствие ответа,
А это больше, чем ответ [Уральский магнит].

Первая строка стихотворения Парамонова выполняет аллюзивную функцию, позволяющую поэту вступать в художественный диалог с Сидоровым. Брянский поэт иронизирует по поводу нелепости употребления слов «предчувствие ответа» и «ответ» в пределах одного катрена, так как очевиден стихотворный парадокс: ощущение близости ответа не может являться ответом, тем более быть чем-то большим. Парамонов иронично намекает на востребованность в современной литературе людей, не обладающих способностью писать стихи. В то время как значимому и талантливому поэту среди них не найдется места. Именно поэтому Парамонов выражает положительные эмоции в связи с тем, что Ф.И. Тютчев не родился в XX столетии (стихотворение было написано в июне 1985 г.):

Читайте Тютчева, поэты!
Какое счастье, что он жил
В прошедшем веке, а не в этом.
А то бы вряд ли издан был [Парамонов, 2020, с. 147].

Возможно, в данной строфе Парамонов, отвечая на стихотворение о Тютчеве, насмехается, исходя из своего субъективного мнения, в том числе над отсутствием способности у Сидорова писать стихи, в то время как востребованность Сидорова на литературном поприще характеризуется многочисленными изданными поэтическими и прозаическими произведениями. В последующую строфу

Парамонов включает ироничный призыв читать Сидорова. При этом фраза «читайте Сидорова вирши» является интертекстуальной проекцией «сидоровской» строки «читайте Тютчева, поэты».

С точки зрения брянского поэта, стихи Сидорова не имеют ничего общего с поэзией. Именно поэтому они предназначены для соответствующей целевой аудитории. А повторяющаяся призывная цитата из стихотворения Сидорова мало того, что усиливает контраст между классической поэзией и его стихами, так еще переосмыслена Парамоновым в качестве послания настоящим поэтам. В отличие от произведения Сидорова, в котором поэты показаны в качестве обобщенного адресата, Парамонов разделяет данных субъектов творчества на настоящих (умеющих писать стихи) и ненастоящих (не умеющих писать стихи). При этом не менее важную аллюзивную роль играет словоформа «вирши», подчеркивающая пренебрежительное отношение к «сидоровской» литературной деятельности:

Читайте Тютчева, поэты.
А коль в поэты вы не вышли,
Купивши брянские газеты,
Читайте Сидорова вирши [Там же].

Следовательно, во второй строфе благодаря внедренной цитате, словам-аллюзиям, входящим в нее, иронизирование над поэзией Сидорова усиливается. В последнем катрене Парамонов использует перефразированную модель цитаты из стихов Сидорова, которая вновь подчеркивает несостоятельность данного субъекта в качестве поэта. Брянский поэт изображает парадоксальную сочетаемость слов, как в оригинальном стихотворении «Читайте Тютчева, поэты!». В произведении Парамонова находим:

В том нет особого секрета,
Что он уже немало лет
Имеет звание поэта,
А это больше, чем поэт [Там же].

Таким образом, функционально переосмысленная в произведении Парамонова цитата из произведения поэта Сидорова, а также приведенный эпиграф, связанный с его творчеством, способствуют передаче ироничного отношения к отдельно существующему поэтическому пространству, а также усилению контраста между «хорошей» поэзией и «плохой».

Эпиграф к стихотворению «Жизнь идет. Все те же разговоры...» связывает его с произведением Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Поэт использует в качестве эпиграфа заключительную фразу из гоголевского произведения: «Скучно на этом свете, господа» [Гоголь, 1982, с. 419]. Эта фраза подводит итог бесконечным судебным тяжбам в ходе непрекращающейся ссоры, а также неоднократным попыткам примирения Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Мир между героями невозможен,

потому что, как пишет В.В. Замбаев, «Иван Иванович высокомерен <...>...по сути ничем не отличается от соседа. Автор показывает глупость и никчемность жизни обоих героев, тупик их человеческой жизни. Гоголь учит людей не быть похожими на таких персонажей, погрязших в серости обыденной жизни» [Замбаев, 2006, с. 182]. Имея в виду показанные Гоголем пороки своих героев, Парамонов вступает в художественный диалог с классиком касательно данной темы.

Поэт, ориентируясь на современность, приходит к выводу, что со времен описанной Гоголем «серости обыденной жизни» ничего не изменилось. Словоформы «спор» и «пересуды» представляют собой аллюзию на конфликт гоголевских персонажей. А значит, как пишет Парамонов, гоголевский спор является основой современной жизни человека:

Жизнь идет. Все те же разговоры,
Те же споры, тот же пересуд... [Парамонов, 2020, с. 147].

Однако полемизируя с классиком о недостатках повседневности, поэт приводит пример из современной жизни, о том, что «Высокопоставленные воры / Те же обещания дают» [Там же]. «Те же обещания» служат намеком на сюжетный эпизод произведения Гоголя о том, как Иван Никифорович пообещал побить лицо Ивану Ивановичу, что и стало финальной точкой в их ссоре. Современный мир, связанный с «высокопоставленными ворами», тем самым становится идентичным художественному гоголевскому пространству, основанному на ссоре персонажей, в связи со сходными угрозами со стороны одного из них. Первая строка второго катрена служит внутристрихотворной аллюзией на конечную фразу Гоголя и так же призвана подвести своеобразный печальный итог, основываясь на нравах тех или иных людей:

Та же скука и тоска все та же.
И в столицах тех и в глуши
Та же, как и прежде, распродажа
Совести, и тела, и души [Там же].

«Распродажа совести и души» является аллюзивным сопоставлением с судопроизводством в произведении «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Как свидетельствуют Ю.С. Даричева и И.Ф. Величко, в гоголевском суде «секретарь, не спеша, читает решение по делу таким унылым голосом, что сам подсудимый того гляди уснет. Судья в это время ведет разговоры на посторонние темы. Но это не мешает ему “подмахнуть” решение, и машина правосудия движется дальше – начинается слушание нового дела» [Даричева, Величко, 2020, с. 56]. Желание быстро закончить судебных процесс, не ориентируясь на справедливость принятого решения, идет вразрез с морально-нравственными аспектами человеческой личности. Парамонов избраженную им галерею аморальных состояний современного человека, аналогичных гоголевским, объединяет в «невымытую Россию». При этом примени-

тельно к ней вводит образ свиней: «Посреди невымытой России / В тех же лужах те же свиньи спят» [Парамонов, 2020, с. 147].

«Свиньи» служат аллюзией на сюжетный компонент произведения Гоголя: свинья Ивана Ивановича оказывается в доме Ивана Никифоровича, совершая некрасивый поступок, – убегает с судебной жалобой Ивана Никифоровича. Помимо этого, «свинья» отсылает читателя к началу конфликта двух помещиков: именно на нее и два мешка овса Иван Иванович предлагает Ивану Никифоровичу обменять ружье. Однако поэт превращает данный намек в функционирующий в его поэтическом мире образ недобросовестного человека, а образ России превращает в интертекстуальное явление, сопряженное со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия». Подобно Лермонтову, который осмысляет порочность и уродство России в лице следящих за людьми жандармов, Парамонов в тесной взаимосвязи с гоголевскими образами изображает собственной вариант «темной стороны» своей страны. При этом брянский поэт обобщает описанный им нравственный упадок (воры, продажа совести, тела и т.д.) во введенное Лермонтовым метафорическое именование собственной страны, скрыто сопоставленной с лексемой «грязь». Несмотря на описанные пороки России, брянский поэт сожалеет о судьбе человека, не пожелавшего что-то изменить в лучшую сторону:

Человек все также безутешен
И неповоротлив на дела...
Славная, однако же, бекеша
У Иван Иваныча была [Там же].

С помощью обобщенного обозначения неспособности каждого современного человека принимать важные решения автор намекает на сюжетную развязку гоголевского произведения, в ходе которой никто из двух помещиков так и не предпринял попыток помириться друг с другом. В то время как художественно вплетенный начальный элемент повести Гоголя «Славная бекеша у Ивана Ивановича!» [Гоголь, 1982, с. 373] функционирует в стихотворении Парамонова в качестве выражения сожаления о том, что времена, когда все было хорошо, закончились. Таким образом, аллюзии и цитаты, использованные Парамоновым, помогают ему создать собственный образ порочной России, ориентируясь на современные реалии.

В стихотворении «Весело, вольготно ли...» Парамонов с помощью художественно переработанной цитаты «Весело, вольготно ли / На Руси так жили» [Парамонов, 2020, с. 153] выражает авторское отношение к жизни на Руси в XIX в. Поэт сомневается, что люди действительно могли жить хорошо. Н.А. Некрасов, в свою очередь, на творчество которого намекают строки стихотворения, использует собственную формулировку «Кому живется весело, / Вольготно на Руси?» [Некрасов, 2011, с. 865] в поэме «Кому на Руси жить хорошо» как причину путешествия мужиков с целью узнать, изменилась ли жизнь народа в лучшую сторону после отмены крепостного права. По мнению Е.Н. Мирошниченко, в поэме Некрасова «народ, описанный в прологе, тоже выглядит жалко, бедно,

бесперспективно» [Мирошниченко, 2019, с. 146]. Автор статьи выделяет хронотоп, который «дает Некрасову возможность описать тяжесть русского народа через катализирующую ее реформу 1861 года, когда человек получил личную свободу, но остался финансово зависим» [Там же]. Именно с целью демонстрации тяжелой судьбы людей, описанных в поэме Некрасова, Парамонов цитирует классика. Брянский поэт изменяет категорию числа, лица и времени глаголов, утверждая, что русские люди «До смерти работали / До полусмерти пили» [Парамонов, 2020, с. 153]. Труд до смерти и пьянство до полусмерти служат характеристикой жизни крестьянина Якима Нагого из некрасовской поэмы. Парамонов обобщает данную характеристику, перенося ее на русский народ в целом. Эти строки отразились и в эпиграфе к стихам Парамонова, функция которого заключается в обозначении некрасовской мысли об ужасной жизни людей как главной идеи произведения брянского поэта.

Последняя строфа – ответ Некрасову с опорой на повседневность. Брянский поэт видоизменяет некрасовские строки, чтобы показать негативную сторону человеческой жизни. У Некрасова тяжесть крестьянского труда изображена в гиперболизированной форме. Классик делает акцент на работающих до изнеможения людях, но в гастрономическо-алкогольном контексте. Алкоголь служит второстепенным явлением, примыкающим к основному. Парамонов смещает акцент с работающего человека на человека порочного. Работа современного человека обозначена с помощью иронии: он трудится только для того, что удовлетворить свой порок – алкогольную зависимость. Поэтому Парамонов пишет:

А нынче так: и там и сям,
В деревне и в столице,
До полусмерти трудимся,
Чтоб до смерти напиться [Там же].

Таким образом, цитируя «Кому на Руси жить хорошо», Парамонов воссоздает образ современной поэту России, отчасти тождественной описанной Некрасовым жизни людей после отмены крепостного права.

В произведении «Божественным отмеченная знаком...» прослеживается связь с произведением М.Ю. Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен». Лермонтов акцентирует внимание на людях, лишенных духовной составляющей – бездушных, которые благодаря внешним элементам вписываются в обыденный мир. Находясь среди подобных субъектов, лирический герой погружается в собственные мечты. Однако в тот миг, когда с помощью «шума толпы» герой вернется из мира грез в повседневность, ему захочется покарать бездушных людей, выставив напоказ их пороки. Данный процесс должен осуществиться с помощью поэзии:

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!.. [Лермонтов, 1983, с. 48].

В ответ на произведение Лермонтова Парамонов тоже хочет наказать аморального человека посредством разоблачающего стихотворения. Брянский поэт берет первые две строки цитируемого нами фрагмента из стихотворения классика в качестве эпиграфа к своему произведению, выражая сходные с Лермонтовым мысли об обличительной функции поэзии. Более того, Парамонов включает в свою строфу перефразированный вариант строк Лермонтова для демонстрации того же аспекта. «Бездушные люди» Лермонтова художественно воплощаются (заменяются контекстным синонимом) у Парамонова в виде «подлецов». Причем, в отличие от классика, автор «Затяжного прыжка» противопоставляет обличительную функцию поэзии исцеляющей:

Божественным отмеченная знаком,
Поэзия врачует нам сердца,
Но как мне хочется, однако,
Смутить стихом веселость подлеца [Парамонов, 2020, с. 152].

В последующем катрене Парамонов использует словоформу «нечисть», с одной стороны, обозначая подлых людей, с другой – сопоставляя человека с нечистой силой «в человеческом обличье». При этом в обеих трактовках этого понятия прослеживается аллюзия на изображение бездушных людей у Лермонтова. Парамонов метафорически осмысляет обличительную функциональную особенность стихов как позорный столб, на котором каждому подлому человеку будут видны его негативные качества. Причем поэтические строки скрыто сравниваются автором с гвоздями:

И нечисть в человеческом обличье,
Не усмиряя яростную прыть,
Отточенную рифмою публично
К столбу позора строчкой пригвоздить [Там же].

Позорный столб служит намеком на исторический период, в рамки которого вписывается жизнь и творчество Лермонтова, а именно на Россию XIX в. До 1880 г. к столбу позора ставили людей, отбывающих наказание на каторге или в ссылке на поселение в отдаленную от привычного места жительства местность. Таким образом, цитирование Лермонтова в пределах исследуемого нами стихотворения, включение в качестве эпиграфа лермонтовских строк, а также аллюзивный характер отдельных словоформ способствуют выражению со стороны Парамонова сходного с классиком желания обличить пороки бездушных людей/подлецов с помощью поэзии.

В качестве эпиграфа к произведению «Что-то в жизни точно...» поэт берет начальную строку из стихотворения В.В. Маяковского «А вы могли бы?»: «Я сразу смазал карту будня...» [Маяковский, 2011, с. 20]. Л.Ю. Большухин и М.А. Александрова замечают, что в стихотворении «А вы могли бы?» «процесс преобразования обыденного мира начинается с переосмысления неловкого, случайного жеста, который угадывается за декларацией “я”: на “карту будня” пролито вино, вероятнее всего, красное вино, ставшее “краской из стакана” <...>. В итоге все внимание приковано к удивительным возможностям творческого

контакта “я” с миром» [Большухин, Александрова, 2018, с. 598]. Уже в первой строке стихотворения Маяковский не просто видоизменяет повседневную действительность, а преобразует ее с помощью творческого начала. Благодаря эпитафическим аллюзиям данный аспект становится объектом для изображения в стихотворении Парамонова. Применительно к нынешнему миру автор, как и Маяковский, изображает «смазанную карту будня». Однако если Маяковский привносит в мир множество новых явлений, не приносящих вред, то Парамонов показывает извращенный вариант изменившейся повседневности. Так, аллюзия на водосточные трубы, на которых Маяковский предлагал сыграть ноктюрн, в процессе творческого преобразования соединив несоединимое (оксюморон), сменяется портящими воздух трубами. Именно символом правильного пути творческого изменения мира в поэзии Парамонова предстает слово-аллюзия «водосточные трубы»:

Что-то в жизни точно
Изменилось круто.
Вместо водосточных
Выхлопные трубы [Парамонов, 2020, с. 158].

Намек на водосточные трубы из произведения «А вы могли бы?» порождает контраст между необычно влияющим на повседневность творческим мышлением и угнетающей картиной современности. Парамонов не оставляет без внимания поэзию века нынешнего и века минувшего. Автор противопоставляет поэтический талант Маяковского современной поэзии. Это достигается с помощью упоминания специфики рифмовки стихотворных строк:

Вместо рифмы четкой
Рифма «как придется»,
Приглашаем черта
В гости вместо солнца [Там же].

Приглашение в гости черта свидетельствует о склонности современного человека к злему началу. В то время как, упоминая приглашение к себе в дом солнца, поэт намекает на «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Парамонов применяет аллюзивное противопоставление склонности нынешних людей к злу с предназначением нести в мир что-то прекрасное. Именно к данному выводу приходит Маяковский в своем стихотворении. В «Необычайном приключении, бывшем с Владимиром Маяковским летом на даче» возможность нести миру добро ассоциируется со светом, который поэт дарит окружающим с помощью своих стихов:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить –
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
и солнца! [Маяковский, 2011, с. 70].

В последующей строфе слова-аллюзии «флейта» и «позвоночник» отсылают к поэме классика «Флейта-позвоночник». Причем флейта функционирует в стихотворении брянского поэта в качестве символа проявления чистого и искреннего чувства – любви. Именно она является неотъемлемым компонентом каждого человека. Поэтому лирический герой Маяковского в своей поэме метафорически исполнял на флейте-позвоночнике (собственном стержне) ноты сердца и души людей. Однако второй компонент названия произведения классика – позвоночник служит для изображения противоположного: вместо искреннего (обнаженного) чувства мы видим обнаженную фею. Причем порочность данной феи заключается не только в ее наготы, но и в демонстрации этого в качестве публичного развлечения. Не случайно Парамонов сближает позвоночник с шоу:

Вместо чуткой флейты
 Чуждый и порочный
 Обнаженной феи
 Шоу-позвоночник [Парамонов, 2020, с. 158].

Строка «Вместо желтой кофты / От Кардена фраки...» [Там же, с. 158] намекает на стихотворение Маяковского «Кофта фата». Герой этого произведения – самовлюбленный человек и любовник, эпатирующий окружающее пространство вызывающим поведением, а также желтой кофтой, необходимой для того, чтобы выделиться среди серой повседневной жизни. Именно желание не быть таким, как окружающие поэта обыватели, противопоставляет Парамонов в своем произведении в виде аллюзивной «желтой кофты» общепринятой моде на дорогие вещи, к примеру, моде на фрак, созданный французским модельером Пьером Карденом. Стремление следовать модным тенденциям делает людей практически одинаковыми – похожими друг на друга, что в контексте произведения продолжает дополнять негативные стороны окружающего брянского поэта мира.

В итоге Парамонов, основываясь на введенной в качестве эпиграфа строке стихотворения «А вы могли бы?», создает кольцевую композицию, делая причинно-следственный вывод о происхождении порочных компонентов нынешней реальности. Строка «Кто-то карту будня / Смазал неумело» [Там же] свидетельствует об ограниченности мышления людей, неспособных, благодаря творческому началу определенного рода, трансформировать окружающую среду во что-то хорошее. Парамонов интертекстуально вводит цитату из произведения Маяковского для того, чтобы изобразить собственный вариант «смазанных будней», который будет иметь негативный оттенок. При этом переосмысленные строки-выводы автора – антоним «смазанным будням» Маяковского, герой которого «плеснул краской из стакана». Следовательно, в подтверждение «смазанности» современного существования появляются персонажи, стремящиеся умереть:

В очередь под пулю
 Лезут оголтело.
 Кто-то карту будня
 Смазал неумело [Там же].

Таким образом, Парамонов в стихотворении «Что-то в жизни точно...» воссоздает «неумело смазанную» картину реалий повседневности, с помощью аллюзий противопоставляя ее изображенной в стихах Маяковского поэтическому миру.

В стихотворении брянского поэта «Никогда я не был на Босфоре...» первая строка взята из одноименного стихотворения С.А. Есенина. Лирический герой поэта Серебряного века осознает, что девушке, находящейся рядом, незнакомы его чувства, а именно причина его разочарования и усталости. На фоне этого он признается, что никогда не был на Босфоре, в Багдаде, однако в душе героя нет в связи с этим печали: в глазах своей спутницы он наблюдает море. Аллюзия в виде есенинской цитаты в произведении Парамонова необходима для создания контраста: скучающий и усталый путник Есенина, находящийся в жаркой местности, противопоставлен заключенному концентрационного лагеря. Герой Парамонова сожалеет о том, что никогда не был на Босфоре, но в контексте лагерной жизни:

Никогда я не был на Босфоре,
Видно, карты выпали не те.
Но зато я был на Беломоре,
В Соловках, Надыме, Воркуте [Парамонов, 2020, с. 162].

Автор перечисляет населенные пункты, в которых размещались лагеря для заключенных, тем самым обозначая трудность жизненного пути лирического героя. Цитата из произведения Есенина также служит для обозначения теплого края, который противопоставлен жестокому лагерному климату. Однако у есенинского героя все-таки есть возможность оказаться на Босфоре, в отличие от персонажа Парамонова. Лирический герой брянского поэта осознает конечность собственной жизни на фоне заключения в лагере. Однако он смирился со своей судьбой, но временами выражает обиду в связи с несправедливым отсутствием возможности оказаться в жаркой местности. Именно для этого поэт вновь включает в стихотворение цитату из произведения Есенина:

Не жалею, не зову, не спорю,
Просто мне обидно иногда:
От того, что не был на Босфоре
И уже не буду никогда [Там же].

Заключение. Таким образом, в данной статье мы исследовали функциональную особенность эпиграфов, аллюзий и цитат в контексте диалогического взаимодействия творчества О.Г. Парамонова и произведений классиков русской литературы. В связи с этим мы пришли к выводу, что эпиграфы из произведений русской литературы в творчестве брянского поэта служат как для обозначения связи между литературными художественными пространствами, так и в качестве аллюзии на важнейшие эпизоды классических произведений. Внутритекстовые аллюзии и цитаты противопоставляют поэтический мир Парамонова миру классических поэтов и прозаиков (стихи «Никогда я не был на Босфоре...»),

«Что-то в жизни точно...»). Помимо этого, данные художественные формы помогают Парамонову воплотить в собственные стихи идею, сходную с художественно воплощенной ведущей мыслью классического литературного произведения (стихи «Божественным отмеченная знаком...»). Также аллюзии и цитаты помогают Парамонову воссоздать образ современной действительности, напоминающий мир, изображенный поэтами и прозаиками XIX в. (стихи «Весело, вольготно ли...», «Жизнь идет. Все те же разговоры...») и вместе с тем показать ироничное отношение к определенному явлению («Читайте Тютчева, поэты»).

Библиографический список

1. Андреева Г.О. Диалог с писателями и поэтами Югры на уроках литературы // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: матер. научно-практической конференции. 2015. С. 176–192.
2. Богодерова А.А. Диалог с русской литературой XIX–XX веков в поэзии шанхайской эмиграции 1930–1940-х годов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 35–44.
3. Большухин Л.Ю., Александрова М.А. «А вы могли бы?» Маяковского как «рубежный» текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, № 4. С. 590–604.
4. Вороничева О.В., Шеметун М.Л. Региональный компонент в структуре воспитательной и научной работы со студентами // Региональная культура: инновационные аспекты развития: матер. международной научно-практической конференции / под ред. Т.И. Рябовой. 2014. С. 199–206.
5. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. М.: Художественная литература, 1982. 431 с.
6. Даричева Ю.С., Величко И.Ф. Сатирическое изображение Н.В. Гоголем судопроизводства в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Исследования молодых ученых: матер. международной студенческой научно-практической конференции. 2020. С. 53–56.
7. Еникеев А.А. Диалог философии и литературы и перспективы «философского романа» как жанра в гуманитарной культуре современности // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 24–34.
8. Замбаев В.В. Проблема человека в творчестве Н.В. Гоголя (на примере произведения «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2006. № 1. С. 180–182.
9. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1: Стихотворения. 446 с.
10. Маяковский В.В. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1327 с.
11. Мирошниченко Е.Н. Проблема народного счастья в поэме А.Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. X Международной научно-практической конференции. 2019. С. 145–147.
12. Некрасов Н.А. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1117 с.
13. Парамонов О.Г. Затяжной прыжок: избранные стихи. Ярославль: Академия 76, 2020. 304 с.

14. Потапчук Е.Ю. Диалог фантастов Китая и Западной Европы в современной литературе // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 50-10. С. 70–73.
15. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 5. 660 с.
16. Уральский магнит. URL: <https://uralmagnit.ru/cat-poezia-serdca/642-poka-na-svete-est-rossiya> (дата обращения: 23.01.2023).

Сведения об авторе

Любарский Руслан Васильевич – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 57 г. Брянска; e-mail: ludmila12a@rambler.ru

DIALOGUE WITH RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN THE POETRY OF O.G. PARAMONOV

R.V. Lyubarsky (Bryansk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Due to the insufficient study of the intertextual connections of O.G. Paramonov's creativity, as well as the plot-thematic connections of classical works of Russian literature and poems of the Bryansk poet, the topic of the study is relevant today.

The purpose of the article is to describe functional features of epigraphs, intertextual forms: allusions and quotations in O.G. Paramonov's collection *The Long Jump*, as well as to establish the plot-thematic interaction of the poet's poems with the works of classics of Russian literature.

Review of scientific literature. Such researchers as A.A. Bogoderova, A.A. Enikeev, E. Yu. Potapchuk, G.O. Andreeva dealt with the problem of intertextual connections. However, O.G. Paramonov's work did not become the object of literary critics' research.

Methodology (materials and methods). Comparative-historical and structural methods are used as the main methods. The study was conducted on the material of the collection of poems by O.G. Paramonov *The Long Jump*.

Research results. The study found that allusions and quotations fulfil different functions: the intertextual forms, on one hand, contrast Paramonov's poetic world to the world of classical poets and prose writers; on the other hand, these artistic forms contribute to the embodiment of ideas identical to classical literary works in Paramonov's poetry.

Conclusion. It is concluded that thanks to allusions and quotations Paramonov reproduces the image of the modern world, echoing the reality depicted by poets and prose writers of the 19th century.

Keywords: *Oleg Gennadievich Paramonov, Long Jump, allusion, quotations, intertextual forms, plot-thematic connection, modern poetry, epigraphs, Russian literature of the 19th century*

References

1. Andreeva G.O. Dialogue with writers and poets of Ugra in literature lessons // In the collection: Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Materials of the scientific and practical conference. 2015. P. 176–192.
2. Bogoderova A.A. Dialogue with Russian literature of the XIX–XX centuries in the poetry of the Shanghai emigration of the 1930s–1940s // Humanitarian vector. 2021. Vol. 16, No. 1. P. 35–44.
3. Bolshukhin L. Yu., Alexandrova M.A. “Could you?” Mayakovsky as a “milestone” text // Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature. 2018. Vol. 15, No. 4. P. 590–604.
4. Voronicheva O.V., Shemetun M.L. Regional component in the structure of educational and scientific work with students // In the collection: Regional culture: innovative aspects of development. Materials of the international scientific and practical conference / Ed. by T.I. Ryabova. 2014. P. 199–206.
5. Gogol N.V. Evenings on a farm near Dikanka. Mirgorod. Moscow: Fiction, 1982. 431 p.
6. Daricheva Yu.S., Velichko I.F. N.V. Gogol's satirical depiction of judicial proceedings in “The Story of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich” // In the collection: Studies of young scientists. Materials of the international student scientific and practical conference. 2020. P. 53–56.
7. Enikeev A.A. Dialogue of philosophy and literature and prospects of the “philosophical novel” as a genre in the humanitarian culture of modernity // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2020. Vol. 6 (72), No. 1. P. 24–34.

8. Zambaev V.V. The problem of man in the work of N.V. Gogol (on the example of the work “The Story of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich”) // Bulletin of the Kalmyk Institute of Socio-Economic and Legal Research. 2006. No. 1. P. 180–182.
9. Lermontov M.Yu. Collected works in four volumes. Volume one. Poems. Moscow: Fiction, 1983. 446 p.
10. Mayakovsky V.V. The complete collection of poems, poems and plays in one volume. Moscow: ALPHA-BOOK Publishing House, 2011. 1327 p.
11. Miroshnichenko E.N. The problem of national happiness in A.N. Nekrasov's poem “Who lives well in Russia” // In the collection: Scientific discussion of modern youth: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference. 2019. P. 145–147.
12. Nekrasov N.A. The complete collection of poems and poems in one volume. Moscow: ALPHA-BOOK Publishing House, 2011. 1117 p.
13. Paramonov O.G. Long jump: selected poems. Yaroslavl: Academy 76, 2020. 304 p.
14. Potapchuk E.Y. Dialogue of science fiction writers of China and Western Europe in modern literature // Trends in the development of science and education. 2019. No. 50-10. P. 70–73.
15. Pushkin A.S. Journey to Arzrum. Collected works in 10 volumes. Moscow: GIHL, 1959–1962. Vol. 5. 660 p.
16. Ural magnet. URL: <https://uralmagnit.ru/cat-poezia-serdca/642-poka-na-svete-est-rossiya> (access date: 23.01.2023).

About the author

Lyubarsky Ruslan Vasilyevich – PhD (Philology), Teacher of Russian Language and Literature, Municipal Budgetary Educational Institution Secondary School No. 57 of the city of Bryansk (Russia); e-mail: ludmila12a@rambler.ru